

МОНЕТЫ В ТРАДИЦИОННОЙ ЭФИОПИИ¹

С падением Аксумского царства и последующим перемещением центра эфиопского государства все далее на юг, в возвышенные области Абиссинского нагорья, Эфиопия перестала быть торговой державой и оказалась на периферии красноморской торговли. К IX в. аксумские монеты окончательно исчезли из обращения, и до 1894 г., когда император Менелик II выпустил монеты со своим изображением, в Эфиопии монет не чеканили². Свои монеты чеканил мусульманский город-государство Харар, лежащий на торговом пути от красноморского побережья к Абиссинскому нагорью (самая ранняя из найденных харарских монет датируется 124 г. х., т.е. 742–743 гг.). Однако до завоевания Харара войсками Менелика II в 1887 г. он был самостоятельным городом-государством и не входил в состав Эфиопской империи.

При натуральном характере хозяйства и незначительном объеме торговли в традиционной Эфиопии не было потребности в выпуске собственных монет. Более того, те монеты, которые попадали в Эфиопию с мусульманскими купцами и служили всеобщим эквивалентом обмена, т.е. деньгами, вдоль всего великого красноморского торгового пути из Средиземноморья в Индию, в Эфиопии теряли свой всеобщий характер и превращались из денег в один из обменных эквивалентов,

¹ Статья печатается по машинописному тексту, сохранившемуся в архиве Отдела этнографии Африки МАЭ РАН (Кунсткамера). Некоторые выдержки из этой статьи были опубликованы в *Encyclopaedia Aethiopica* в словарной статье “Traditional currency” (vol. 1, 2003, p. 827–828). Точная датировка этого текста отсутствует; предположительно он мог быть создан во второй половине 1970-х годов (во всяком случае, после 1973 г.) или в первой половине 1980-х. Сохранились также рукописные комментарии Н.М. Гиренко к этой статье; они приводятся далее по тексту в постраничных примечаниях. Компьютерный набор В.Н. Семенов.

² В статье речь, собственно говоря, не о монетах, а о перипетиях становления денежной (монетной) системы эфиопского государства. Может быть, это связано с тенденциями формирования внутреннего рынка и борьбой за его контроль разными сторонами. Получается, что этот рынок (как явление) не возникал в Эфиопии, а проникал в нее. — *Прим. Н.М. Гиренко.*

таких как бруски соли, ткани, железные сошники, наконечники копий и др. Причем монеты нередко оказывались далеко не самым распространенным и не самым ценным эквивалентом обмена. Так, когда в первой трети XIX в. англичанин Корнваллис Харрис расплатился с одним из приближенных царя Шоа Сахле Селласие не брусками соли, а серебряными монетами, тот прислал ему такой ответ: «Я оставил у себя твое серебро, потому что его прислал мне ты; но на будущее, если я продаю коня, то я жду, что мне заплатят солью!» [Harris 1844: 170]. Такое отношение к монетам долго сохранялось в эфиопской провинции. Другой англичанин, Р. Чизман, путешествовавший по Эфиопии уже в тридцатых годах XX в., пишет, что близ озера Тана от него в качестве платы требовали тоже соль, а не монеты, говоря: «Мы не едим серебро!» [Cheesman 1936: 184]. Вообще же распространенность и предпочтительность того или иного эквивалента обмена определялась в традиционной Эфиопии и региональными, и социальными факторами. Так, по наблюдениям миссионеров, в первой половине XIX в. в областях Гураге и Каффа, расположенных далеко от месторождений соли, основным эквивалентом обмена была соль; в Ифате, через который шли караванные пути, — монеты, а в соседнем Мэнзе, преимущественно земледельческом районе, который лежал в стороне от торговых путей, миссионерам говорили: «Мы не копим монеты, как ифатцы; мы копим соль и сошники, которые зарываем в землю» [Isenberg, Graf 1843: 275].

Тем не менее монеты проникали в Эфиопию. Проникали они с купцами, которые вели торговлю через Красное море с Аравией и через Индийский океан с Индией; поэтому в основном это были те монеты, которые имели наибольшее распространение в данный момент на великом красноморском торговом пути. До XIX в. чаще встречались арабские, венецианские и австрийские монеты, а с начала XIX в. на красноморском пути прочно утвердился серебряный талер Марии Терезии, широко распространившийся к этому времени по всему Среднему Востоку. Вряд ли возможно точно определить время появления талера в Эфиопии. Джеймс Брюс, знаменитый шотландский путешественник по Эфиопии, хорошо знавший страну, откуда он уехал в 1773 г., ничего не пишет об этой монете, а ко времени прибытия Генри Сальта в 1805 г. талер уже пользовался широкой известностью. Эта монета оставалась наиболее распространенной вплоть до итальянской

агрессии 1936 г., и ее популярность не смог пошатнуть ни «эритрейский талер», чеканившийся Италией с 1890 по 1896 гг., ни монеты Менелика II, ни сомалийские рупии, ни монеты Хайле Селассие I. Талер Марии Терезии долго оставался «гранитной основой эфиопского денежного обращения» [Steer 1936: 33], поэтому англичане, готовясь к боевым операциям против итальянцев на территории Эфиопии, вынуждены были в 1940–1941 гг. отчеканить в Бомбее 18 864 576 талеров Марии Терезии, так как это была единственная монета, пользовавшаяся доверием у эфиопского населения. Да и в настоящее время в Эфиопии население отдаленных провинций предпочитает монеты бумажным банкнотам, а среди всех монет отдает предпочтение старому серебряному талеру.

Подобная популярность талера Марии Терезии — при том, что в традиционной Эфиопии эта монета не являлась всеобщим эквивалентом обмена, т.е. деньгами в строгом смысле слова, — объясняется тем обстоятельством, что в Эфиопии серебряные монеты были единственным источником серебра для эфиопских ювелиров, известных своей серебряной филигранью; иначе говоря, тем, что талеры имели и немалую потребительскую стоимость. Кроме того, эта увесистая монета (28,0668 г) служила населению и как мера веса. Однако главная ценность талера в глазах эфиопов заключалась в том серебре, из которого он был сделан. Джонстон, бывший в Эфиопии в 40-х годах XIX в., заметил, что в Шоа все монеты, не попавшие в руки царя, «неизбежно отправляются в тигель» [Johnston 1844: 335]. Ювелирами переплавлялось такое количество монет, что Менелик II в своем декрете о выпуске эфиопских монет поместил к ним особое обращение: «А вы, ювелиры, не переплавляйте эту новую монету хотя бы до тех пор, пока их не станет много в стране!». Декрет, однако, не помог, и новые монеты с изображением Менелика II, несмотря на популярность этого императора, успехом не пользовались. Особенно не понравились населению монеты достоинством в половину и в четверть эфиопского доллара, потому что ювелиры скоро обнаружили, что две монеты по полдоллара или четыре по четверть доллара в переплавленном виде содержат меньше серебра, чем одна долларова монета, т.е. население принима-

ло в расчет прежде всего потребительскую стоимость монеты, а не означенную³.

Таким образом, в Эфиопии талер Марии Терезии, как и бруски соли, в глазах населения так и не превратился в деньги окончательно, потому что главную ценность им, как и любому товару, придавала их потребительская стоимость, которая росла по мере удаления от побережья Красного моря так же, как росла стоимость любого привозного товара. Британский консул докладывал в 1897 г., что цена талера в Хараре выше, чем в Адене, на 5 %, а в Аддис-Абебе — на 25–30 % [Foreign Office 1897: 4].

Однако если для большинства населения Эфиопии талеры Марии Терезии представляли ценность как источник серебра и мера веса, то для купцов, а главным образом и для феодальной знати, чьи потребности выходили за пределы натурального хозяйства, талеры были ценны и как деньги, которые можно было копить и на которые можно было покупать товары у купцов. Хотя рас Вольде Селасе, правивший провинцией Тигре в начале XIX в., говорил Генри Сальту про свой город Антало, что там есть «скотина, хлеб и мед: зачем тебе деньги? Здесь есть все, у тебя будет все, чего ни пожелаешь, пока ты не доберешься до Массая» [George, viscount Valentia 1811: 57]; однако после смерти этого раса его казначей, фитаурари абба Гебре Марьям, сказал, что в казне его господина кроме золота, золотых и серебряных украшений было и 75 тысяч талеров [Pearce 1831: 95–96]. Наибольшее количество монет стекалось, разумеется, к монархам Эфиопии, которые собирали и хранили их именно в качестве денег. Конечно, им приходилось и тратить деньги, но доходы обычно превышали траты. Так, Корнваллис Харрис предполагал, что царь Сахле Селасе, правивший в Шоа в начале XIX в., ежегодно получал от 80 до 90 тысяч талеров, а тратил не более 10 тысяч [Harris 1844: 28]. Роше д'Эрикур писал, что этот царь получал ежегодно гораздо большие суммы, и монеты хранил в горшках в пещере близ своей столицы [d'Hericourt 1841: 301]. Роше д'Эрикур сообщает, что Сахле Селасе заставлял приезжавших купцов платить талерами и что из этих монет очень мало оставалось в обращении, потому что большая их часть поступала к царю в виде налогов.

³ Здесь и далее по тексту особого внимания заслуживают примеры о разрыве потребительской и меновой стоимости монет. — *Прим. Н.М. Гиренко.*

Таким образом, при существовании в традиционной Эфиопии нескольких эквивалентов обмена на распространенность монетного, или денежного, эквивалента влияли как региональный фактор (т.е. близость к караванным путям, знакомство с купцами, торговлей и деньгами), так и социальный фактор (т.е. положение в традиционном эфиопском обществе). Если крестьяне Мэнза видели богатство в брусках соли и железных сошниках, то феодальная знать знала цену монетам не только как серебру, но и как деньгам.

В Эфиопию талеры Марии Терезии приходили не только с купцами. Немало их приходило и с чужеземными армиями, вторгавшимися в страну. Когда Англия решила направить против эфиопского императора Феодора II экспедиционный корпус, Английский банк приобрел на нужды экспедиции 4 530 000 талеров [Holland, Hozier 1870: 91]. Вскоре после экспедиции эфиопский император Иоанн IV обложил население области Тигре, через которую прошли англичане, налогом в два талера с человека и собрал 20 тысяч, которые были ему нужны, чтобы получить от александрийского патриархата митрополита для Эфиопии. Когда египетский хедив готовил в 1857 г. наступление на Эфиопию, то на военные нужды он ассигновал крупные суммы, и после битвы при Гундет в 1857 г. эфиопы захватили у египтян 75 тысяч талеров, после чего для эвакуации своей армии хедив выслал Рауф-паше 50 тысяч талеров, а затем отправлял ему по 70 тысяч ежемесячно, не считая 10-тысячного займа у купцов Массая [Douin 1936–41: 605]. Взлет производства венского монетного двора, чеканившего талеры Марии Терезии, с 166 200 монет в 1891 г. до 6 455 600 в 1896 г. и последующее падение с 5 440 700 монет в 1897 г. до 188 300 талеров в 1898 г. самым прямым образом связаны с итальянской колониальной авантюрой в Эфиопии и последующим разгромом итальянских войск в битве при Адуа в 1896 г. Колониальные державы, пытавшиеся утвердиться в Эфиопии, начиная с могущественной Великобритании и кончая Египтом, для достижения своих целей использовали не только оружие, но и деньги. И в этой борьбе за Эфиопию серебряный талер Марии Терезии, весьма удобный для красноморской торговли, превратился в помеху колониальным державам, каждая из которых стремилась втянуть Эфиопию в свою валютную систему.

Первая попытка заменить талер, противопоставив ему индийские рупии и анны, была сделана англичанами еще во время военной экспе-

диции против императора Феодора II в 1867–1868 гг. Эта попытка провалилась, несмотря на то что англичане заручились поддержкой Касы, который занял императорский престол погибшего Феодора II, приняв царское имя Иоанна IV [Stanley 1874: 347]. Индийские рупии и анны проникали в Эфиопию также благодаря торговым связям с Аденом, где они имела хождение наряду с талером Марии Терезии, но в Эфиопии широкого распространения они не получили. Сфера их хождения ограничивалась красноморским побережьем Африканского Рога и такими крупными рынками вдоль караванных путей, как Алиу Амба [Halland, Hozier 1870: 87], где две рупии или четыре анны можно было обменять на один талер. Хотя индийские монеты изготавливались из более чистого серебра, чем талер, эфиопы предпочитали не копить их, а делать из них мелкие ювелирные украшения [Girard 1973: 64].

На побережье население было знакомо и с египетским пиастрами, значительное количество которых проникло туда после перехода Массауа под власть хедива Исмаила в мае 1868 г. и при египетской оккупации Харара в 1875 г. Пиастры имели хождение и на судано-эфиопской границе. Однако большой популярностью на Африканском Роге пиастры не пользовались, и итальянцы после своего появления в Массауа в 1885 г. без труда смогли вытеснить египетскую монету.

Свою монету чеканили и эмиры Харара. Когда-то основой их монет, которые назывались «мэхалек», был золотой ашрафи, который чеканил эмир Харара Абд эль-Шакур в XVIII в.; 22 мэхалека составляли один ашрафи, а три ашрафи равнялись одному талеру Марии Терезии. Однако к XIX в. золотые ашрафи полностью исчезли из обращения, и эмиры чеканили свою серебряную монету, расплавляя талеры и добавляя свинец, что вовсе не способствовало популярности харарских монет. Практически хождение харарской монеты ограничивалось лишь стенами города Харара, да и то лишь потому, что, по свидетельству Ричарда Бертона, «эмир безжалостно карал всякого, кто вступал в город с другими монетами» [Burton 1893: 22–23]. Окончательный удар по престижу харарских мэхалеков был нанесен эмиром Мохаммедом ибн Али ибн Абд эль-Шакуром, который пришел к власти в 1855 г. Он выпустил новую монету и произвольно определил ее стоимость в 100 прежних мэхалеков, однако в его монете было столько свинца, что в харарской торговле обмен полностью вытеснил куплю-продажу. При египетской оккупации Харара Рауф-паша пытался изъять из обраще-

ния окончательно дискредитированные мэхалеки и ввести египетские пиастры, но для этого у него не было достаточного количества пиастров, и харарские монеты оставались в обращении до захвата города войсками Менелика II в 1887 г. и некоторое время спустя, пока не были окончательно вытеснены талером Марии Терезии. Таким образом, на Африканском Роге талер оставался практически единственной ходовой монетой, а на рынках побережья, где можно было встретить и египетские пиастры, и английские фунты, и турецкие меджиди, и даже итальянские лиры, ни одна из них не могла конкурировать с талером.

Такое прочное положение талера Марии Терезии, однако, крайне раздражало Италию, которая смотрела на Эритрею как на свою настоящую, а на Эфиопию как на будущую колонию. В свободном колебании талера относительно лиры Италия видела препятствие своему проникновению на Африканский Рог и искала способы устранить это препятствие. Планы чеканки талеров в Италии натолкнулись на решительный протест Австрии, не желавшей лишаться дохода, который она получала от выпуска талеров Марии Терезии. Поэтому итальянское правительство решило выпускать собственный, так называемый «эритрейский талер», очень похожий на талер Марии Терезии, в надежде, что он будет иметь хождение не только в итальянской Эритрее, но и в Эфиопии. В те времена Италия находилась в дружественных отношениях с Менеликом II, только что подписавшим Учальский договор и еще не обнаружившим рокового расхождения в его амхарском и итальянском текстах. Поэтому обеими сторонами было подписано еще и «дополнительное соглашение от 1 октября 1889 года», которое предусматривало поддержку эритрейскому талеру со стороны Менелика II. В результате Италия декретом от 10 августа 1890 г. объявила о выпуске четырех типов монет, прочно привязанных к лире. Это были: 1) эритрейский талер (соответствующий 5 лирам), который по размеру и по содержанию серебра примерно соответствовал талеру Марии Терезии, а по весу был немногим легче. На одной его стороне было изображение короля Умберто с надписью по-итальянски «Умберто I, Король Италии» и год выпуска монеты, а на другой стороне был изображен савойский орел и надпись по-итальянски «Колония Эритрея» с обозначением достоинства монеты на трех языках: итальянском, амхарском и арабском; 2) монета в 0,4 эритрейского талера (2 лиры); 3) монета в 0,2 эритрейского талера (1 лира) и 4) монета в

0,1 эритрейского талера (50 чентезими). Три последние монеты на одной стороне имели такое же изображение короля Умберто, как и эритрейский талер, а на оборотной стороне вместо савойского орла была изображена итальянская звезда в окружении лавровых ветвей и обозначение достоинства монеты. Готовился также выпуск и двух бронзовых монет, достоинством в 10 и 5 чентезими, но впоследствии их чеканить не стали.

Но эритрейский талер, на который Италия возлагала столько надежд, оказался неспособным конкурировать со старым австрийским талером. К тому было много причин. Во-первых, цена талера Марии Терезии постоянно росла в связи с ростом цены на серебро на мировом рынке, а эритрейский талер не мог свободно колебаться в цене, так как он имел твердый эквивалент в лирах. Таким образом, цена его оказалась искусственно заниженной, а кроме того, вес эритрейского талера был меньше веса австрийской монеты, что также подрывало его конкурентоспособность. Во-вторых, воспрепятствовать хождению в Эритрее талера Марии Терезии административными мерами итальянцы не могли без риска подорвать традиционную эритрейскую торговлю с Аравией и Эфиопией. Таким образом, эритрейский талер уже к моменту своего появления в 1890 г. был во всех отношениях слабее своего австрийского конкурента. Однако главная причина провала эритрейского талера заключалась в том, что появление его отвечало не столько действительным экономическим потребностям Эритреи, сколько далекие идущим колониальным устремлениям Италии. То, что при выпуске эритрейского талера итальянское правительство руководствовалось соображениями прежде всего политическими, а не экономическими, видно по тому, как выпуск монет увеличивался по мере роста колониальных амбиций Италии. В этом отношении 1896 оказался переломным годом, когда попытка Италии подчинить себе Эфиопию военным путем закончилась крахом. Так, из 1 979 995 эритрейских талеров, выпущенных с 1890 по 1896 гг., 1 миллион был отчеканен в 1896 г.; из 3,5 миллионов монет достоинством в 0,4 талера в том же году было выпущено 1,5 миллиона, и из 4,5 миллионов монет достоинством в 0,2 талера в 1896 г. было выпущено тоже 1,5 миллиона. Поражение итальянских войск в битве с войсками Менелика II при Адуа в 1896 г. положило конец и итальянской колониальной экспансии, и существо-

ванию эритрейского талера. Декретом от 4 сентября 1898 г. итальянское правительство приняло решение о переплавке этих монет.

Если значительных экономических последствий в Эфиопии появление эритрейского талера не имело, то непосредственным политическим следствием этого явилось решение Менелика II чеканить собственную эфиопскую монету. Планы чеканки своей монеты Менелик вынашивал давно. Еще в 1875 г. французский путешественник Пьер Арну доказывал Менелику II выгоды этого предприятия [Louis 1879: 378], а в 1888 г. Менелик посылал Альфреда Ильга в Европу для приобретения монетного прессы [Keller 1918: 73]. Однако тогда подобное предприятие при весьма неопределенных экономических выгодах сулило вполне серьезные политические неприятности, так как в те времена Менелик был лишь царем Шоа, а императорскую корону носил Иоанн IV, который, несомненно, расценил бы такой шаг как покушение на свои права сюзерена.

Политическая ситуация, однако, совершенно изменилась к 1893 г, когда итальянцы стали вводить свой эритрейский талер, а Менелик II, ставший императором Эфиопии, обнаружил расхождение в текстах Уччальского договора и объявил об отмене его. В этих обстоятельствах выпуск собственной эфиопской монеты с изображением Менелика II должен был явиться в глазах европейских держав доказательством суверенитета эфиопского императора и фактом непризнания им итальянского протектората. Поэтому декретом от 10 февраля 1893 г. Менелик II объявил о будущем выпуске эфиопских монет со своим изображением. Решено было выпустить четыре серебряных и три медных монеты, чеканка которых была заказана Парижскому монетному двору, а изготовление образцов — французскому граверу Лагранжу [Michel 1900: 471]. Менелик учел ошибку итальянцев с малым весом эритрейского талера, и хотя объявил, что его монета по весу равна талеру Марии Терезии, на самом деле она была даже тяжелее его. На одной стороне доллара Менелика II было его изображение и надпись: «Менелик II, царь царей Эфиопии». На оборотной стороне был изображен лев с крестом в левой лапе и надпись: «Лев-победитель из племени Иуды». По ободку монеты шел стих из 67-го псалма: «Эфиопия предварит руки свои к богу». Эта монета называлась бэр. Кроме нее были выпущены три серебряных монеты: алад (полдоллара), руб (четверть) и боала, или тамун (одна восьмая доллара), — а также три

медных монеты: мэхалек, или герш, или пиастр (ее также часто называли и тамун) — 1/16 доллара, песо (1/32 доллара)⁴ и монета в 1/64 доллара. Впервые в крайне незначительном количестве они были выпущены в 1894 г. Всего по 1896 г. включительно было выпущено 20 200 монет достоинством в 1 доллар; 10 200 монет достоинством в полдоллара; 15 200 монет достоинством в четверть доллара; 25 200 монет достоинством в одну восьмую доллара. Медных же монет выпустили по 200 штук каждой. Одно это показывает, что предприятие Менелика II по выпуску собственных монет имело главным образом характер политической демонстрации. Однако впоследствии, после победы при Адуа и договора в Аддис-Абебе, по которому итальянское правительство обязалось выплатить 10 миллионов лир, открылись более широкие финансовые возможности для чеканки собственной монеты. Победа при Адуа имела также и то международное следствие, что Эфиопию признало большинство европейских держав, что обязывало Менелика II поддерживать свой престиж, а это подразумевало, между прочим, и введение эфиопских монет.

Поэтому было решено продолжить выпуск монет, немного видоизменив их. Новые образцы были заказаны французскому граверу Шаплэну. Долларовая монета осталась почти без изменений, лишь крест стал изображаться не в левой лапе льва, а в правой. Соответствующие изменения были внесены и в монеты достоинством в половину и четверть доллара. Прежние же медные монеты и мелкую серебряную монету в одну восьмую доллара было решено упразднить, введя вместо них одну серебряную монету (герш) достоинством в 1/20 доллара, или

⁴ Следует уточнить русскую транскрипцию слов «бэр» и «песо», приведенную С.Б. Чернецовым. Кириллическая транскрипция амхарских слов не унифицирована и характеризуется варьированием от одного автора к другому. Видимо, статья писалась еще в то время (предположительно 1970–1980-е годы, а может быть, и раньше), когда русский вариант написания этих слов не был установлен. Слово «бэр» сейчас пишется как «бырр» или «быр» (/bɛr/). В настоящее время бырр, или, по-другому, эфиопский доллар — денежная единица ФДР Эфиопия. Амхарское «песо» — это заимствование из яз. хинди *paisa* (или английский яз. *pice*), т.е. пайса — разменная монета Индии, Непала и Пакистана. 1 рупия равнялась 100 пайсам. В амхарском варианте она писалась как /bese/ или как /besa/. См. подробнее статью Currency в “Encyclopaedia Aethiopica” (Wiesbaden, 2003. Vol. 1. P. 830). — Прим. В.Н. Семеновой.

5 сантимов, и медный сантим (мэтоня). Оплата Парижскому монетному двору расходов по чеканке производилась за счет итальянской контрибуции. Чеканка этих монет продолжалась в Париже с некоторыми перерывами до 1915 г. Всего с 1894 по 1915 гг. в Париже было отчеканено долларовых монет — 1 317 030; полудолларовых монет — 330 300; монет в четверть доллара — 1 186 551; монет в 1/8 доллара — 25 200; монет в 5 сантимов — 17 152 857 и монет в 1 сантим — 500 000. Эти цифры показывают, что, если новые монеты Менелика II успешно выполняли свою политическую функцию своеобразного доказательства независимости страны и суверенных прав ее монарха, то выполнить экономическую функцию национальной валюты они оказались не в состоянии. Эти монеты не только не вытеснили прежние традиционные эквиваленты обмена, такие как соль, ткани и железо, но не смогли противостоять и патронам, этому новому эквиваленту обмена, широко распространившемуся в Эфиопии с появлением в стране большого количества огнестрельного оружия в конце XIX — начале XX в. В 1908 г. Менелик II был вынужден выпустить особый декрет по этому поводу, где говорилось: «Прежде купцы, воины и крестьяне использовали патроны для обмена на базарах и в других местах. Но теперь я сделал монеты со своим именем и со своим изображением и назвал их “бэр”, “алад”, “руб”, “тамун” и “мэхалек”. Впредь пользуйтесь не патронами, а этими монетами! Всякий, кто хочет продать патроны, пусть несет их на таможеню, а кто хочет купить их, пусть идет туда же. Кто не выполнит этого указа, с того штраф в один доллар за каждый патрон, использованный вместо денег. А тот, кто приведет нарушителя этого указа в суд, получит половину штрафа!» [Mahtämä-Sellasé 1942: 200]. Однако, как это часто бывало в Эфиопии, когда царские указы противоречили традиции, победила традиция, и русский путешественник К. Арнольди писал в 1907 г.: «Вам попадается навстречу нищий, и первое, что он просит у вас, это не деньги и не кусок хлеба, а патрон. Деньги от него могут не принять, а патрон примут всегда и везде» [Арнольди 1907: 5].

Не смогли доллары Менелика II пошатнуть и репутации старого талера Марии Терезии, и за пять долларов на рынках давали только четыре талера Марии Терезии [Foreign Office 1897: 4; Foreign Office 1905–06: 3]. В соперничестве с талером доллар Менелика II не мог выиграть по целому ряду причин. Эфиопская монета, введенная в обра-

щение прежде всего из политических соображений, а не для потребностей экономических, которым вполне удовлетворял талер Марии Терезии, оставалась практически неизвестной за пределами Эфиопии, на рынках Адена, Занзибара, Персидского залива и аравийского побережья Красного моря, с которым Эфиопию связывали традиционные торговые пути. Вытеснить же оттуда талер Марии Терезии монета Менелика II не могла как из-за незначительного количества этих монет вообще, так и из-за той незначительной роли, которую играла Эфиопия в красноморской торговле. Если талер являлся деньгами вдоль всего великого красноморского торгового пути, то монеты Менелика II могли выступать в этой роли лишь в тесных пределах эфиопской столицы. Вероятно, поэтому в 1922 г. эфиопское правительство дало указание Парижскому монетному двору перечеканить оставшиеся там 50 000 долларов в пиастры, после чего монет Менелика II уже не выпускали [Guèbrè Sellassiè 1930–32: 594].

Однако после победы при Адуа и последовавшего установления дипломатических отношений между Эфиопией и многими странами Европы и Америкой в стране помимо прежних мусульманских торговцев стали появляться европейские и американские коммерсанты капиталистического типа. Их торговые обороты достигают размеров, немислимых для традиционных купцов Красноморья, и для этой новой торговли талер Марии Терезии стал представлять все большие неудобства из-за своей тяжести и объема, т.е. как раз из-за тех качеств, которые снискали этой монете такую популярность по всему Среднему Востоку. Так, когда один крупный экспортер кофе решил закупить в отдаленных провинциях 100 т зерен кофе, за которые нужно было заплатить 32 тысячи талеров, то он обнаружил, что вес этих монет составляет 908 кг, для перевозки которых был необходим целый караван из 30 мулов [Rey 1927: 207–208]. Большие обороты экспортных фирм при традиционном характере торговли, вести которую можно было только в течение сухого сезона, приводили также и к сезонным колебаниям цены талера. В сухой сезон, когда купцам требовались значительные суммы для закупки товаров, цена талеров резко повышалась, падая в дождливый сезон, когда торговля замирала. Здесь колебания в цене талеров были обратными колебаниям в цене брусков соли, которые становились дороже именно в дождливый сезон, когда подвоз соли прекращался.

Все эти обстоятельства мешали развитию новой торговли капиталистического типа, и для поощрения экспорта в 1905 г. был основан эфиопско-египетский «Абиссинский Банк», который с 1914 г. стал выпускать бумажные банкноты достоинством в 500, 100, 10 и 5 эфиопских долларов. Если учесть, что 500 однодолларовых монет весили не менее 14 кг, то становится ясно, насколько бумажные банкноты были удобнее монет для ведения финансовых операций. Однако практически распространение бумажных денег ограничивалось средой крупных европейских коммерсантов, живших в Аддис-Абебе. По свидетельству английского беллетриста Ивлина Во, присутствовавшего на коронации императора Хайле Селласие I в 1930 г., в провинции банкноты цены не имели, и даже в таком торговом центре, как Дире Дауа, отделение банка удерживало 3 % при размене банкнот на монеты [Waugh 1934: 22]. То, что бумажные деньги не имели серьезного влияния на экономику традиционной Эфиопии, видно из того, что с 1914 по 1931 гг. бумажных денег было выпущено всего на сумму 1 740 000 эфиопских долларов [Zervos 1936: 181]. В большем их количестве, очевидно, потребности не было. Да и в наше время в отдаленных провинциях люди не имеют доверия к бумажным деньгам, предпочитая им серебряные монеты.

Тем не менее с начала XX в. по мере проникновения в Эфиопию иностранного капитала и основания различных компаний начинает ощущаться все большая потребность в деньгах или, по крайней мере, в каком-то их заменителе. С началом постройки франко-эфиопской железной дороги от Джибути до Дире Дауа вдоль линии дороги начинают циркулировать серебряные монеты Французского Берега Сомали. Французский «Синдикат коммерсантов и промышленников Дире Дауа» с 1922 г. стал выпускать для нужд синдиката боны в один пиастр, которые представляли собой алюминиевые диски с надписями по-французски: на одной стороне — название синдиката, а на другой — надпись «Бона в 1 пиастр, 16 на доллар» и год выпуска — 1922 г. [Wood 1936: 55, 57]. Бельгийское «Анонимное общество плантаторов Абиссинии», которое занималось выращиванием кофе в Арусси, также для выплаты своим рабочим ввело алюминиевые диски, достоинством в 1/2, 1/4 и 1/16 эфиопского доллара. Всего таких дисков до начала итало-эфиопской войны 1935 г. было выпущено на сумму 5 000 эфиопских долларов [Cannonieri 1937: 175].

В то же время Италия, несмотря на неудачу со своим эритрейским талером, не оставляла планов вытеснения талера Марии Терезии собственной монетой в своих африканских колониях. Было ясно, что такая монета должна была походить на австрийский талер, и по этому поводу было много проектов, вплоть до введения венецианской серебряной монеты 1768 г., современницы талера Марии Терезии [Caroselli 1931: 327–329], но первая мировая война заставила отложить эти проекты. После окончания войны и крушения Австро-Венгерской империи ничто не мешало Италии заняться выпуском монет, аналогичных талеру Марии Терезии, и декретом от 31 мая 1918 г. итальянское правительство объявило о введении в Эритрее «итальянского талера», сделанного по образцу австрийского. На одной стороне ее вместо профиля императрицы Марии Терезии был вычеканен профиль женщины, символизирующей Италию; на другой стороне место австрийского орла занял итальянский с савойским крестом и сокращенной латинской надписью: AD NEGOT ERYTHR COMMOD ARG, т.е. «Серебро для эритрейской торговли».

Однако для населения Эритреи не было причин отказываться от старой привычной монеты ради новой, пусть даже похожей на прежнюю, и «итальянский талер» вызвал только нумизматический интерес. По причине его непопулярности Министерством Колоний было отчеканено всего 510 000 монет, а возобновление в Вене выпуска талеров Марии Терезии в 1920 г. нанесло последний удар итальянскому талеру. В 1922 г. итальянское правительство официально включило Эритрею в денежную систему метрополии. Практически это означало признание неудачи «итальянского талера» и прочность позиций талера Марии Терезии в Эритрее.

Когда Италия, завладев в 1905 г. Бенадиром, основала свою сомалийскую колонию на побережье Индийского океана, то и там она стремилась ввести собственные монеты. Однако экономическое положение Сомали резко отличалось от положения Эритреи. Если Эритрея в силу своего географического положения связывала Эфиопию с великим красноморским путем и являлась транзитной областью торговли между красноморским побережьем и Абиссинским нагорьем, то сомалийское побережье Индийского океана было в основном связано с морскими торговыми путями, а сухопутная караванная торговля, приносившая столько выгод Эритрее, находилась в зачаточном состоянии.

Поэтому, хотя на сомалийском побережье население было знакомо и с талерами Марии Терезии, и с индийскими рупиями, и даже с испанскими пиастрами, наибольшим распространением там пользовалась медная разменная монета (песо), которая более соответствовала незначительному объему торговли. Эти песо чеканились в Аравии, на Занзибаре, в Момбасе и Мускате, причем ценились они примерно одинаково, за исключением песо Муската, стоимость которых определялась в два раза ниже. Так, за один талер Марии Терезии в начале нашего столетия давали 150 песо или 300 мускатских песо.

Италия решила вытеснить эти многочисленные монеты тремя собственными: одной никелевой монетой достоинством в 25 центезими, чья стоимость должна была соответствовать 1/6 талера Марии Терезии, и двумя медными монетами достоинством в 1 и 2 центезими, причем 1 центезимо должно было равняться 1 обычному песо или двум песо из Муската. Результатом введения этих монет было то, что, если мелкие медные монеты успешно конкурировали со старыми песо и в конце концов вытеснили их с сомалийского побережья, то никелевую монету население не принимало, считая никель «фальшивым серебром». Однако успех мелкой разменной монеты в Сомали не мог удовлетворить Италию, которая решила найти выход из создавшегося положения, введя серебряную рупию, привязанную как к золотому английскому фунту, так и к серебряной итальянской лире. Эта рупия должна была соответствовать 1/15 фунта и 1,68 лиры. С установлением золотого и серебряного эквивалента была повторена ошибка, допущенная с эритрейским талером, который не мог свободно колебаться в цене с изменением мировой цены серебра⁵. Кроме рупии в качестве разменной монеты вводились песо, составляющие 0,01 рупии и соответственно 1/1500 фунта и 0,0168 лиры. Так в 1909 г. появились три медных монеты, достоинством в 1, 2 и 4 песо, а в 1910 г. три серебряных монеты, достоинством в 1, 1/2 и 1/4 рупии. На одной стороне этих

⁵ Приведенную в статье иллюстрацию к «ошибке» итальянцев с привязкой новоизбранной монеты к своему курсу в первую очередь, наверное, можно понимать как неучтение специфики восточноафриканского рынка, который имел свои закономерности, отличные от «европейского». К вопросу о специфике восточноафриканского рынка см. работы Плоткина о стоимостном перепаде. — *Прим. Н.М. Гиренко.*

монет было изображение короля Италии с надписью по-итальянски: «Витторио Эммануил III, Король Италии», а на другой — корона, надпись «Сомалия Италия», обозначение стоимости и год выпуска [Rossetti 1914: 58–59].

Немедленным результатом появления этих монет в Сомали было исчезновение из обращения талеров Марии Терезии, которые население предпочитало прятать и не обменивать на новую монету. Таким образом, первый, хотя и сомнительный успех был достигнут: талеры исчезли из обращения. Итальянцы связывали с этим успехом весьма далеко идущие планы и даже предлагали англичанам свободное обращение индийских рупий в своих колониях в обмен на обращение своей монеты в английских колониях, однако эта идея была встречена в Лондоне очень сдержанно. Тем не менее рупии стали циркулировать на побережье и даже проникать на красноморские рынки. И хотя в Адене итальянские рупии обменивались по курсу 21 на фунт вместо официальных 15, итальянцы склонны были расценивать это как хорошее начало.

Слабость итальянской рупии стала проявляться с начала первой мировой войны, а последовавший рост мировой цены серебра оказался для нее роковым. Если доллары Менелика могли повышаться в цене одновременно с ростом цен на серебро, то итальянские рупии, имея определенный золотой эквивалент, приобретали цену, значительно превышавшую номинальную, что приводило к вывозу монет и исчезновению их из обращения. В то же время объем торговли на сомалийском побережье постепенно возрастал, и недостаток монет сказывался болезненно. Чтобы восполнить этот недостаток, итальянцы в 1920 г. стали выпускать бумажные банкноты достоинством в 1, 5, 10, 20 и 50 рупий, однако бумажные деньги, которые получили ограниченное распространение только в городах, не могли заменить серебряных монет. Таким образом, введение итальянской рупии оказалось очередной неудачей, и декретом от 18 июня 1925 г. итальянское правительство ввело в Сомали денежные единицы метрополии, оставив рупии циркулировать в обращении на основе их серебряного содержания.

В Эфиопии после смерти Менелика II в 1913 г. и с восхождением на престол его дочери Заудиту было выпущено небольшое количество полудолларовых монет (алад) с изображением новой императрицы. В обращение они не пускались и остались практически неизвестными

населению. После коронации Хайле Селласие I в 1930 г. был проект выпуска золотых монет, который был остановлен из-за последовавшего мирового экономического кризиса и падения фунта. Все дальнейшие шаги эфиопского правительства и «Абиссинского Банка», преобразованного в «Эфиопский Банк», по выпуску бумажных банкнот в 1932 и 1933 гг., а также чеканке никелевых и медных монет в 1933 г. были направлены к созданию национальной эфиопской валюты, т.е. денежных единиц, являющихся всеобщим эквивалентом обмена в стране.

Внешняя торговля Эфиопии к этому времени почти полностью сконцентрировалась в крупных городах, главным образом в Аддис-Абебе, и в этой области коммерсанты нового типа, доставлявшие свои товары по железной дороге, стали вытеснять караваны традиционных торговцев. Для своих сделок они пользовались услугами «Эфиопского Банка» и бумажными банкнотами, а не тяжелыми талерами Марии Терезии или Менелика II. «Прошли те времена, — писала Ф. Дункли, — когда можно было встретить по дороге к Банку вереницу гураге, каждый из которых нес на своих плечах мешок с тысячью талеров для торговца, который хотел уплатить за товар» [Dunckley 1935: 40].

Однако в провинции, куда мог проникнуть лишь традиционный купец со своим караваном, талер Марии Терезии еще долго оставался самой распространенной монетой. Да и в наши дни в районах, куда пока нет современных шоссейных дорог, население предпочитает тяжелую серебряную монету всякой другой и охотно отдаст десятидолларовую бумажку за три или четыре талера.

Литература

- Арнольди К.* Военные очерки Абиссинии. СПб., 1907.
- Burton R.* First Footsteps in East Africa. London, 1893. Vol. II.
- Cannonieri G.* La mia avventura tra gli Arussi. Milano, 1937.
- Caroselli F.G.* La nostra politica monetaria nella Colonia Eritrea. Atti nel Primo Congresso di Studi Coloniali, 1931. T. VI.
- Cheesman R.E.* Lake Tana and the Blue Nile. London, 1936.
- Douin G.* Histoire du règne du Khedive Ismail. Société Royale de Géographie d'Égypte. Caire, 1936–1941. Vol. III.

- Dunckley F.* Eight Years in Abyssinia. 1935.
Foreign Office. Report for 1897 on the Trade of Abyssinia.
Foreign Office. Report for 1905-6 on the Trade of Abyssinia.
George, viscount Valentia. Voyages and Travels to India, Ceylon, the Red Sea, Abyssinia and Egypt. London, 1811. Vol. III.
Girard A. Souvenir d'un voyage en Abyssinie. Caire, 1973.
Guèbrè Sellassiè. Chronique du règne de Ménéliк II. Paris, 1930–1932. Vol. II.
Harris W.C. The Highlands of Aethiopia. London, 1844. Vol. II.
d'Hericourt, Rochet. Voyage sur la côte orientale de la Mer Rouge dans le pays d'Adal et le royaume de Choa. Paris, 1841.
Holland T.J., Hozier H.M. Record of the Expedition to Abyssinia. London, 1870. Vol. I.
Isenberg C.W., Krapf J.L. Journal detailing their Proceedings in the Kingdom of Shoa and Journeys in other parts of Abyssinia. London, 1843.
Johnston C. Travels in Southern Abyssinia through the Country of the Adal to the Kingdom of Shoa. London, 1844. Vol. II.
Keller C. Alfred Ilg. Leipzig, 1918.
Louis L. Un Voyageur Français dans Éthiopie méridionale // Revue des Deux Mondes. 1879. N 6. P. 877–903.
Mahtämä-Sellasè. Zekrä Nägär. Addis Abeba, 1942 (Ethiopian Calender).
Michel C. Mission de Bonchamps vers Fachoda. Paris, 1900.
Pearce N. The Life and Adventures of Nathaniel Pearce. London, 1831. Vol. II.
Rey C. F. In the Country of the Blue Nile. London, 1927.
Rossetti C. Il regimo monetario della Colonia Italiana. Bibliotheca di Cultura Coloniale, 1914. T. I.
Stanley H.M. Coomasie and Magdala. London, 1874. 347 p.
Steer G.L. Caesar in Abyssinia. London, 1936.
Waugh E. Remote People. London, 1934.
Wood H. The coinage of Ethiopia // The Coin Collectors' Journal. 1936.
Zervos A. L'Empire d'Éthiopie. Athens, 1936.